

Сознание: все и ничто *или* нечто, но не все?¹

А.И. Назаров

Обосновывается необходимость ограничения содержания, которое психологи обычно связывают с термином «сознание». Будучи чрезмерно широким по своему объему, оно потеряло свою специфику. Предлагается операциональный состав структуры сознания, состоящий из четырех функций. Сознание и бессознательное рассматриваются как комплементарные альтернативы, взаимодействие между которыми координируется разумом индивида. В связи с этим необходимо создание психологической (в отличие от философской) концепции разума.

Ключевые слова: *перцепт, представление, действие, сознание, бессознательное, разум*

Приходится опасаться, что наши современные психологические и философские понятия сознания представляют собой не просто результат концептуальной путаницы, как считал Витгенштейн, а признаки реальной клинической патологии. Мы невольно лелеем повальный нарциссизм и личную изоляцию в самой основе своего мышления о нашей собственной природе и ее потенциальных возможностях.

Г. Хант

Наука наша находится сейчас в таком состоянии, что она еще очень далека от заключительной формулы геометрической теоремы, венчающей заключительный аргумент – «что и требовалось доказать». Нам сейчас еще важно наметить, что же именно требуется доказать, а потом браться за доказательство; сперва составить задачу, а потом решать ее.

Л.С. Выготский

Когда-то общепринятым было считать, что одним самым отличительным свойством человека, по сравнению с животными, является наличие у него сознания. Да и сейчас есть немало сторонников этого взгляда. Более того, сознанию приписывалась главная движущая сила становления личности и верховенство в регулировании поведения человека. Правда, некоторые ученые еще задолго до З. Фрейда (И. Герbart, Г. Фехнер, Г. Эббингауз, Г. Гельмгольц, Ф. Гальтон) не оставляли без внимания явления бессознательного. Но ему отводилась скорее второстепенная, техническая роль в различных сценариях психодинамики. Фрейд шокировал весь ученый мир, поставив все с головы на ноги. Не отрицая роли сознания в индивидуальной психодинамике, он лишил его статуса господина, наделив этим титулом бессознательное. Сознание оказалось между молотом социальных императивов и наковальней куда более сильных биологических инстинктов. В первой половине 20-го века фрейдизм покорила многие сферы человеческих деяний, подобно тому как незадолго до этого дарвинизм был мировоззрением, которое разделяли ученые разных гуманитарных и естественных наук. Более того, фрейдизм стал не только одним из научных мировоззрений, но и своего рода шампуром, пронизывающим почти все формы культуры и быта людей. Если раньше люди стремились к сознанию, то теперь они стали искать путей выхода из него,

¹ Выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00134а.

чтобы погрузиться в таинственное бессознательное. Это продолжается до сих пор – как в некоторых научных кругах, так и в культуре, и в быту.

Но с начала второй половины прошлого века благодаря достижениям когнитивных наук стала складываться иная ситуация. Бессознательное стало рассматриваться многими учеными как конечная инстанция на пути становления *сознательных*, интеллектуальных действий. Это нашло отражение в таких терминах как автоматизация, имплицитная память, имплицитное научение, скрытое знание, когнитивное бессознательное, уровень контроля, интеллектуальная интуиция, и т.п. (см. соответствующие статьи в [15], разделы VII, VIII). Две ранее противостоящие и конфликтующие категории – сознание и бессознательное – стали комплементарными звеньями единой системы, лежащей в основе становления и функционирования человека в составе культурно-исторической среды. Сознание стало изучаться не столько само по себе, сколько в содружестве с бессознательным².

Но в этой, безусловно, прогрессивной тенденции, сложившейся в современной когнитивной науке, есть один существенный изъян – чрезвычайное и едва ли, на мой взгляд, оправданное расширение предметного содержания сознания, того, что референтно этому термину³. Приведенные в эпиграфе слова Ханта [12, с.58], хотя и выраженные в радикальной форме, говорят о том же. В монографиях о сознании можно найти всю психологию, как еще недавно вся психология была представлена в монографиях о внимании. При этом теряется специфика сознания, его особые функции в деятельности человека. Я говорил об этом в беседах с Владимиром Петровичем Зинченко, который также трактовал сознание довольно широко (см., например, [7]). Он соглашался с тем, что для определения сознания как понятия необходимо проделать определенную работу. Но это, по-видимому, не входило в его планы, поскольку его привлекала работа развитого сознания (даже без его строгого определения) в составе разных проявлений одухотворенной деятельности человека.

Я не берусь за строгое и исчерпывающее описание сознания и всевозможных его проявлений. Попытаюсь сделать первый шаг в этом направлении, которое, возможно, будет поддержано и продолжено (или отвергнуто) другими. Это – следование упомянутому в эпиграфе совету Выготского: «наметить, что же именно требуется доказать» [3, с. 98].

Представление о сознании как особой категории внутри мира идеального формировалось внутри философских учений о познавательной деятельности человека. Ее главными составляющими считали, начиная с античных философов, *чувствования, разум и веру*. У разных ученых и в разные времена на вершине этого треугольника душевной жизни находилась то одна, то другая составляющая, причем, чаще всего они пребывали в конфликтных отношениях: либо вера была превыше всего (богословы), либо разум (рационалисты), либо чувства (сенсуалисты). В эпоху рационализма в понятии разума наметилась дифференциация двух его составляющих – сознания (апперцепции) и мышления. Особенно ясно это видно на примере Декарта, который считал, что не мышление (как свод логических правил для ума), а рефлексия над мышлением (то есть осознание факта мышления) дает достоверное знание, в котором не остается места для сомнения (знаменитое *мыслью, следовательно существую*).

² Например: «Значит, мы имеем обновленную когнитивную науку, которая рассматривает сознание как один из своих фундаментальных принципов, а «когнитивное бессознательное» – как его автоматизированное производное» [10, с.87].

³ Поскольку слово сознание еще не стало понятием.

Наконец, в новое время начали появляться факты, которые не позволяли объяснить все многообразие психических явлений с помощью упомянутых философских категорий без привлечения понятия бессознательного. Да и в самой философии укрепилось признание необходимости включения явлений бессознательного в общую теорию познавательной деятельности человека (И.Кант, Д.Гартли, Э.Гартман, А.Шопенгауэр). Треугольник *чувства – вера – разум* постепенно превращался в многосвязную фигуру взаимозависимых категорий *чувства – сознание – мышление – бессознательное*.

Такова в двух словах если не история, то слегка упрощенная схема, иллюстрирующая место сознания в системе других философских категорий, которые вначале без каких-либо существенных модификаций были перенесены в психологию. Мне кажется, что в недалекой перспективе коллективные усилия философов и психологов, интегрируясь в индивидуальном опыте пока неизвестного ученого⁴, увенчаются созданием логически стройной теории, в которую войдут *все* упомянутые категории. Но для того, чтобы такая теория не оправдала опасений Ханта относительно клинической патологии, необходимо четко разграничить свойства и функции каждой категории. Я попытаюсь это сделать применительно к категории *сознание*.

Сейчас уже стало аксиомой, что сознание человека приобретает и развивается в прижизненно складывающемся опыте последнего. Тогда естественно возникает вопрос: с чего начинается сознание и как оно прогрессирует?

Как любая высшая психическая функция, сознание должно иметь свою природную, натуральную основу. Это своего рода органическая почва, на которой при определенных окружающих условиях произрастает культурно-историческое дерево. Что может служить такой основой?

Поскольку сознание – изначально часть идеального плана психики, его натуральная основа также должна принадлежать идеальному плану. Очевидно, что простейшими и первичными содержаниями идеального являются образ восприятия (в дальнейшем – перцепт) и представляемый образ (в дальнейшем для краткости будем называть его представлением, не имея в виду более широкий смысл этого слова). О первом мы говорим, когда на органы чувств воздействует некоторая внешняя наблюдаемая реальность (отдельный предмет, сцена и т.п.) или внутренний (интероцептивный) раздражитель (например, при чувстве боли в каком-то участке тела); о втором – когда при отсутствии таких воздействий у субъекта спонтанно или произвольно возникает чувственный образ с тем или иным предметным содержанием⁵. Не вдаваясь в традиционное обсуждение феноменологических различий между перцептом и представлением, остановлюсь только на одном, редко акцентируемом, но в данном случае очень важном.

Как отмечал А.Н. Леонтьев,

В акте восприятия субъект не соотносит своего образа вещи с самой вещью. Для субъекта образ как бы наложен на вещь. [9, с. 59-60].

⁴ Так называемые междисциплинарные исследования страдают тем, что в них частные атрибуты изучаемого предмета, специфичные для той или иной дисциплины, преобладают над тем общим и существенным, которое является искомым. Только индивидуальное сознание способно к необходимому здесь обобщению, очищающему коллективный опыт от того «мусора», который привносится профессиональной специализацией. Ученый, которого мы называем великим, – это человек, овладевший опытом многих людей и оплодотворивший его своей интуицией.

⁵ Подробнее о разновидностях представляемых образов см. [13].

А это значит, что в живом *восприятии*, в переживаемом сейчас опыте субъекта нет отдельных репрезентаций внутреннего (идеального) и внешнего (объектного) планов. Феноменально они тождественны (наивный реализм). В отличие от этого, в *представлении* субъекту дан только идеальный, внутренний план, содержащий в редуцированном виде чувственный материал, ранее наполнявший образ восприятия. Но если перцепт локализуется нами там, где находится объект, то есть во внешнем по отношению к субъекту пространстве (или в каком-то внутреннем органе тела), то представление переживается как находящееся в голове субъекта *автономное* событие. Правда, в некоторых особых условиях мы можем принимать представляемое за нечто объективно существующее вне нас (мираж, иллюзии, детские страхи). Но это скорее аномалии или временные состояния в динамике взаимопереходов от нормы к аномалии, а не то, что характерно для обычного функционирования представления. Различие между перцептом и представлением – это природное различие двух натуральных форм идеального, от которых начинается его дальнейшее развитие.

Будучи производным от перцепта, представление наследует от него важное свойство – *предметность*. Предметное содержание представления аналогично, хотя и не тождественно содержанию перцепта. Даже в самых фантастических образах эта аналогия имеет место. Иногда такая аналогия может переходить в знаковую, символическую форму, что заслуживает отдельного рассмотрения. Но это означает, что упомянутая выше автономность представления является относительной, не полной. Представление с разной степенью детальности, а иногда даже символически связано с объективным предметным содержанием, являясь простейшей переходной формой от объективного к субъективному, от материального плана к идеальному.

Представление и развитое сознание имеют два общих свойства – предметность и относительную автономность. Сознание, вопреки мнению некоторых философов, не терпит пустоты, оно всегда заполнено каким-то предметным содержанием – смутным или отчетливым, выразимым или невыразимым, правдоподобным или фантастическим, конкретным или абстрактным. Не бывает живого сознания, очищенного от всякого содержания. Можно стремиться к такому очищению, как это делается в различных практиках медитации, но едва ли можно достичь этого в полной мере. Автономность сознания выражается в том, что, не имея прямого доступа к объективному, внешнему миру, оно существует только в идеальном плане, оперируя своим содержанием в соответствии с логикой и психологическими составляющими деятельности субъекта. Именно последняя обуславливает относительность автономии сознания, поддерживая его, по крайней мере, частичную зависимость от объективной реальности.

Но, во-первых, наличие у сравниваемых предметов (представления и сознания) общих свойств не означает тождества этих предметов. Во-вторых, следует учитывать разные уровни общности. Предметность сознания несоизмерима по объему и качеству с предметностью представления, а его (сознания) автономность, сочетаемая с его активностью и широкой функциональностью (об этом речь пойдет ниже), позволяет ему стать одним из главных факторов продуктивности человеческой деятельности. Представление пассивно и созерцательно. Оно – разное по интенсивности эхо перцепта, и в нем нет ничего сверх того, что было в перцепте. Образы воображения – это результат процессов, которые разыгрываются вне представления; в последнем этот результат получает лишь свое чувственное воплощение. Представление упрощает, схематизирует, иногда искажает чувственный опыт [2], но оно не способно выйти за его пределы.

Будучи простейшей натуральной формой идеального, представление является вместе с тем первой ступенью развития сознания. И в том, и другом есть отнесенность переживаемого субъектом опыта к себе. Но на этой ступени сознание созерцательно, в

нем фиксируется только содержание представления. В этом смысле сознание интровертировано, оно еще не выходит за пределы созерцания внутреннего, идеального плана. Это его имманентное свойство сохранится на протяжении всей его дальнейшей истории и будет служить психологическим основанием для радикальных идеалистических теорий познания.

Но человек – не замкнутое в себе существо. Он взаимодействует с природным и социальным окружением, чтобы жить. Опыт, приобретенный им в процессе этого взаимодействия, накапливается, но не только в виде образов внешнего мира, а и как образов своих и не своих *действий* в этом мире. Социальный статус человека, предполагающий не только его пребывание в обществе, но и действие в нем, определяет дальнейшую судьбу развития индивидуальной психики в целом и сознания, в частности.

И здесь нужно привлечь для дальнейшего хода рассуждений два тезиса, сформулированных ранее нашими выдающимися психологами.

Гальперин в своей концепции формирования умственных действий исходил из выделенных им общих свойств всякого человеческого действия, одним из которых, является то, что оно формируется в опыте индивида в соответствии с объективно существующим *образцом* этого действия⁶. А чтобы действие отвечало образцу, оно должно иметь ориентировочную основу, представленную в идеальном плане субъекта. Она может создаваться либо стихийно, когда человек лишь наблюдает кем-то выполняемое действие и пытается воспроизвести его, либо путем специальной системы поэтапного формирования, когда ориентировочная основа вначале задана объективно, а затем, в процессе выполнения субъектом ряда исполнительных операций, она трансформируется и переносится в идеальный план. В обоих случаях, кардинально различающихся по качественной характеристике сформировавшегося действия, важнейшим элементом ориентировочной основы является представление субъекта о конечном результате собственного действия, который хотя и задан в виде образца, но еще должен быть достигнут путем выполнения определенных, также заданных объективно, операций.

Второй тезис был сформулирован Запорожцем:

*Каким образом действие может сделаться целью для другого действия?
... Единственная возможность этого заключается в том, что действие **опредмечивается**, приобретает предметный характер. Тогда само действие индивида выступает перед ним как внешний субъект, в котором это действие осуществлено [6, с. 199].*

Эти два тезиса можно объединить в одном: для того, чтобы целенаправленное действие соответствовало образцу, оно должно быть *управляемым*, а для того, чтобы оно было управляемым, его нужно превратить в предмет специального действия, осуществляемого параллельно с первым. Способность действия с действием – это ни что иное как рефлексия первого порядка, или вторичное сознание. Такое сознание, в отличие от созерцательного, становится, по выражению А.Н. Леонтьева, деятельным.⁷ Оно уже не просто созерцает то, что дано в представлении, а отслеживает (контролирует) соотношение удерживаемого в представлении образца действия с достигнутым результатом. Благодаря деятельному сознанию нормативное действие репрезентировано субъекту двояко: как перцепт и как представление, как настоящее и как будущее. В первом дано то, что есть, во втором – то, что задано, что должно быть в качестве результата выполненных операций. Осознание исходного и текущего различия

⁶ Подробно о свойствах действия и условиях его формирования см. в: [4].

⁷ «Сознание-о б р а з становится также сознанием-деятельностью» [9, с.132].

между тем и другим создает у субъекта, по удачному выражению Бернштейна, «динамику устремления к конечному результату» [1, с. 371].

Но не все так просто, особенно когда речь идет о действии, новом для субъекта. Здесь оказывается недостаточно наблюдательных и контролирующих атрибутов сознания. Необходимо еще, чтобы индивид обладал предварительным опытом исполнения операций, входящих в состав нового для него действия. Этот локальный опыт вместе с остальным, глобальным хранится в памяти, содержимое которой находится за пределами сознания, в ведении бессознательного. Иногда нужная операция появляется в поле сознания «сама собой» как свершившийся факт, становясь частью текущего перцепта; иногда субъект совершает ряд проб прежде чем она не проявит себя в удачном продвижении к конечному результату и как таковая будет зафиксирована в сознании. В любом случае такой отбор из содержимого памяти того, что необходимо для выполнения того или иного фрагмента действия, должен быть не случайным, а прямо соотношенным с этим необходимым. Можно приводить множество фактов, демонстрирующих наличие такого мгновенного доступа к памяти (всевозможные автоматизмы, ответы в опытах с парными ассоциациями, быстрые ответы даже на неожиданные вопросы, и т.п.), известны некоторые условия, которые ему способствуют (прежде всего – эффекты контекста). Но нам пока ничего не известно о том, как такой отбор происходит в живом действии. Едва ли можно серьезно рассматривать существующие изолированные модели так называемого селективного внимания⁸ или порождения речевого высказывания⁹, в которых проблема отбора релевантной информации решается крайне рационалистически, как будто речь идет о работе запрограммированного автомата.

Но одно дело – извлечение необходимого содержимого из памяти, в которую оно когда-то было заложено, а другое – образование нового содержания. В первом случае *сознание* ставит перед бессознательным вопрос, во втором – вопрос ставится перед самим сознанием, и ответ на него можно получить только путем создания новообразований, то есть того, чего нет в бессознательной памяти.

Проблема новообразования имеет две модификации: 1) я учусь тому, что умеют делать другие (читать, писать, управлять станком, и т.п.); 2) я создаю то, чего еще не было в коллективном опыте (открытие, изобретение, оригинальная теория, и т.п.). Первая модификация возможна без второй, и здесь сознанию принадлежит ведущая роль. Вторая модификация невозможна без того, чтобы продукт первой вошел в содержимое моей памяти, утратив тем самым новизну-для-меня, и она невозможна исключительно на уровне сознания, которое здесь играет скорее посредническую, вспомогательную роль. Новое-для-всех – это скорее продукт так называемой эмерджентности [14], в которой немаловажную роль играют бессознательное и интуиция.

Сейчас можно сказать что-то определенное только о первой модификации. Новообразование, возникающее в опыте индивида в процессе научения, основано на реорганизации, реструктурировании ранее освоенных им операций. Это можно объяснить на следующем примере. В художественных кругах известен прием, который позволяет человеку нарисовать довольно сложную картину, даже если он совершенно не умеет рисовать. Мелкая сетка (размер ячеек можно варьировать) накладывается на изображение, которое в результате оказывается состоящим из множества небольших фрагментов. Человеку не составляет особого труда нарисовать отрезок контура, находящийся внутри ячейки, поскольку он представляет собой или прямую, или

⁸ Подробный аналитический обзор этих моделей см. в [5, Гл. 2, 3].

⁹ Критический анализ этих моделей см. в [8, Гл. 5, 6].

простейшую кривую линию¹⁰. Такая операция уже давно освоена им в прошлом опыте при совершении аналогичных действий. Выполняя серию таких операций в процессе перемещения по ячейкам, можно довольно качественно воспроизвести весь рисунок. Точно так же, если любое новое и сложное для человека действие препарировать в виде последовательности простейших и ранее освоенных им операций, то, по крайней мере, вначале черновое исполнение действия в целом окажется вполне возможным. Новым здесь окажется тот целостный идеальный образ (гештальт), в котором содержания парциальных операций представлены в сознании не сами по себе, как это было вначале, а как элементы этого целого. Да и само целое теперь дано не как нечто внешнее по отношению к индивиду, а вместе с тем сенсомоторным комплексом, который образовался в результате активных действий индивида в отношении элементов целого. Перефразируя слова Н.А. Бернштейна, относящиеся к формированию внутренней картины движения, скажем, что целое, как оно выглядело снаружи, стало целым, как оно выглядит изнутри.

Оставим пока в стороне наиболее трудный вопрос о том, как происходит воспроизведение освоенной операции, необходимой в данный момент выполнения действия. Сейчас важно отметить, что в ходе именно исполнения нового действия под контролем сознания формируется новая динамическая структура входящих в него операций – их последовательность и конкретные пространственно-временные параметры. Эта структура вначале очень неустойчивая, она вырисовывается в перцепте по частям, и только после нескольких «повторений без повторений»¹¹ она приобретает стабильность и переживается как симультанный полимодальный образ действия (своего рода телесный гештальт), содержащий все необходимые и достаточные внутренние условия достижения намеченной цели. И здесь сознанию принадлежит ключевая роль. В непрерывно меняющемся потоке разнообразных эфферентных и афферентных сигналов, возникающих в ходе исполнения, сознание *фиксирует* и *усиливает* те из них, которые ассоциированы с достигнутым в данный момент успехом в достижении цели, обеспечивая тем самым закрепление соответствующих ощущений и предметных содержаний сначала в рабочей, а затем и долговременной памяти действующего субъекта.

Итак, сознание как особая психическая функция – это *наблюдение* (за собственным действием), *фиксация* (релевантного содержания перцепта), *контроль* (сопоставление текущего продукта действия с его представляемым конечным результатом), и *усиление* (перцептивного опыта, сопровождающего успешное продвижение к представляемой цели действия). Выделенные курсивом четыре операции сознания могут быть представлены в нем в разных пропорциях у разных индивидов. В своем развитии сознание может остановиться (навсегда или на какое-то время) на созерцательной стадии наблюдения. Оно не всегда и не у всех обладает достаточной энергией, чтобы выделить и зафиксировать в потоке воспринимаемых событий необходимое содержание, усилить его, чтобы сделать его значащей фигурой на безразличном фоне. А это, в свою очередь, препятствует эффективному контролю.

¹⁰ Нечто по сути подобное мы встречаем и в известных преобразованиях Фурье, которые позволяют любую сложную функцию представить как взвешенную сумму простых синусоидальных колебаний. Это дало основание некоторым ученым рассматривать процесс живого восприятия как результат прямого и обратного преобразования Фурье, что породило множество экспериментальных исследований, которые после нескольких удачных открытий в конце концов исчерпали свой творческий потенциал.

¹¹ Выражение в кавычках принадлежит Н.А. Бернштейну, когда он описывал процесс формирования двигательных навыков. Однако оно применимо к освоению любых, не только двигательных действий.

Отсюда – широкий спектр возможных индивидуальных различий в усвоении и выполнении освоенных действий.

Одно замечание относительно упомянутой операции *усиления*. Конечно, здесь более подходящим будет термин *модуляция*, подразумевающий возможность изменения чего-либо в обе стороны, – как усиления, так и ослабления. Действительно, мы можем не только направлено усиливать наши переживания, но и по тем или иным причинам снижать их интенсивность. Последнее относится не только к отрицательным, неприятным или запретным переживаниям, о которых говорится в контексте так называемой перцептивной защиты или вытеснения (по Фрейду), а и к нейтральным, энергетический уровень которых слишком высок. Правда, не следует забывать, что модулирующая способность сознания возможна лишь в ограниченном диапазоне. Не настолько оно всесильное, как нас убеждают в этом радикальные рационалисты.

Действие с действием, когда первое совершается при участии перечисленных выше четырех операций сознания, можно рассматривать как рефлексию первого порядка. Если же предметом действия становится само сознание, то это означает переход на уровень рефлексии второго порядка. Такая рефлексия появляется в идеальном плане в составе специальной (не всякой) теоретической деятельности. Последняя ставит в отношении сознания те же вопросы, которые возникали на уровне рефлексии первого порядка. Поэтому операционный состав рефлексий обоих порядков один и тот же. Изменяется предмет сознания – вместо чувственного материала перцептов и представлений оно теперь имеет дело с постчувственным опытом, для репрезентации которого необходим особый, искусственный инструментарий – понятия, суждения, образы воображения, как будто бы не имеющие аналогов в чувственном опыте. Но поскольку сознание изначально формируется в составе деятельности, в него автоматически переходит и ее свойство активности по отношению к своему предмету. Поэтому на уровне рефлексии второго порядка, или во вторичном сознании, возникает иллюзия его трансцендентной активности, направленной на упорядочивание сырого чувственного материала для превращения его в предмет мыслительной деятельности. Правда, не все разделяют мнение, что это всего лишь иллюзия, считая, что так оно и есть на самом деле. Среди них есть немало психологов – как теоретиков, так и экспериментаторов. Кстати, следуя принципу «дурной бесконечности», можно допустить существование рефлексии 3-го и более высокого порядка, но это уже близко к патологии, о которой предупреждал Хант.

То, что я назвал вторичным сознанием, родственно (но не тождественно) современному понятию самосознания и фрейдовскому Супер-Эго. Не останавливаясь на очевидном вопросе о различиях, отмечу их общую черту, но после короткого отступления.

Сознание, направленное на предметное действие, функционирует не в одиночестве, а в системе личностных потребностей, мотивов и эмоций, которые далеко не всегда согласуются с целями и мотивами текущей деятельности. Очень часто, несмотря на нормальное функционирование сознания, что-то не получается, все складывается не так, как надо. В содержание сознания помимо того, что релевантно текущей задаче, может произвольно входить что-то совершенно постороннее, загораживая собой то, что сейчас необходимо. Причиной всему этому могут быть не только заряженные сильной энергией биологические инстинкты и неудовлетворенные потребности, но и множество социально нормированных личностных диспозиций, на фоне которых разворачивается текущая деятельность или принимается решение о ее

запуске. То и другое образует содержание того, что сейчас принято обозначать как бессознательное. Если назвать сознание, о котором шла речь в предыдущем разделе, первичным, то оказывается, что в нем могут фиксироваться содержания, привходящие в него из бессознательного. В результате в первичном сознании может возникнуть конфликтная ситуация, препятствующая выполнению необходимой деятельности и создающая у субъекта внутреннюю напряженность разной интенсивности – от слегка беспокоящей до трудно переносимой. Фиксация такого рода конфликта и составляет то общее, что присуще вторичному сознанию, самосознанию и Супер-Эго.

Как возможно разрешение этого конфликта? Фрейд говорил о Цензуре (более раннее название для Супер-Эго), которая не допускает, чтобы недостойные импульсы из бессознательного проникали в сознание. Но тогда вопрос остается: а как этого не допустить? А как быть с тем, что достойно и социально приемлемо, но в данный момент нерелевантно содержанию текущего действия?

Наилучший способ улаживания любого конфликта – усмирение наиболее агрессивной стороны. Бессознательное обладает более сильной потенциальной энергией, по сравнению с сознанием, и в этом смысле оно более агрессивно. Поэтому если на конечном участке его пути к сознанию в достаточной мере ослабить его энергетический потенциал, то тем самым конфликт будет исчерпан. Таков рационалистический путь создания гармонии между душой и телом, на котором, как это ни парадоксально звучит, стоял и Фрейд, отводя Супер-Эго роль решающего судьи. То же самое по существу мы находим в радикальных направлениях христианской религии, проповедующей искоренение в себе плотских желаний во имя торжества духа (поздний Л.Н. Толстой). Но в этой логике есть другая, противоположная сторона. Человек может подавлять, по крайней мере, некоторые функции сознания, отдавая себя во власть стихии бессознательного, и оставаться при этом в рамках психической нормы. В одних ситуациях он может отдавать предпочтение доминированию сознания, а в других – доминированию бессознательного. Тем более, что в последнем есть, как это сейчас признается всеми, много достойного и вполне приличного. Что определяет этот выбор – иногда сознаваемый, а иногда – неосознанный?

Для ответа на этот вопрос необходимо принять во внимание характер взаимодействия между сознаваемым и несознаваемым содержаниями в реальной деятельности человека, протекающей как на микро-, так и на макроинтервалах времени. Динамика этого взаимодействия очень разнообразна. Ее мгновенные состояния в конечном счете определяются соотношением энергий сознательного и бессознательного, которое зависит от многих неконтролируемых факторов. Если представить сознание и бессознательное как два полюса линейной шкалы, то точка идеального равновесия между ними будет находиться в ее середине. Но даже у одного и того же индивида это равновесие может нарушаться то в одну, то в другую сторону, причем, в зависимости от внешних и внутренних причин, – довольно часто. По-видимому, есть некоторый устойчивый эпицентр таких колебаний, который может располагаться в разных участках шкалы. В результате получается непрерывный спектр соотношений между сознанием и бессознательным, и каждый участок в этом спектре соответствует определенному типу индивидуальности. Ближе к полюсу бессознательного будут располагаться типы, склонные к гедонизму (то есть находящиеся во власти принципа удовольствия), ближе к полюсу сознания – формалисты и бюрократы. В центре, но на разных удалениях от него будут находиться типы с разными «весами» познавательных интересов и творческого потенциала.

Интересные мысли о взаимодействии сознаваемых и неосознаваемых содержаний высказывались еще в далекие от нас времена, причем они основывались не только на патологическом материале, как это было характерно для середины 19-го и

начала 20-го веков, но и на экологически безукоризненных экспериментах с участием нормальных людей. Я имею в виду опыты В. Sidis, описанные в недавно переведенном фрагменте из его фундаментальной работы [16]. Он показал, как в результате общения между первичным (несознаваемым) и вторичным (сознаваемым) Я возможно распознавание буквенно-цифровых изображений, которые в обычных условиях, но на удаленном расстоянии, воспринимались как размытые однородные пятна, а иногда даже вообще исчезали из поля зрения. Сейчас это называется подпороговым или несознаваемым восприятием, природа которого, несмотря на многочисленные исследования¹², остается загадочной. Sidis предлагает интересную эвристику:

«Эксперименты указывают на взаимосвязь двух Я. Они показывают, что сообщения посылаются вторичным Я к первичному. Кроме того, результаты, по-видимому, показывают, что в случае невозможности конкретного сообщения некоторое абстрактное общее описание символа все еще достигает высшего сознания. Заторможенная конкретная (частная) идея все же достигает первичное Я в виде абстрактной идеи. Абстрактная общая идея в бодрствующем сознании основывается на конкретной идее полуосознанного Я. Таким образом, здесь может найти разрешение великий спор номинализма и концептуализма о природе абстрактных общих идей. Концептуалисты без сомнения правы в утверждении, что общая абстрактная идея может существовать в сознании без конкретной идеи или осознанного восприятия, но они не говорят, что это сознание есть сознание бодрствующего Я. В свою очередь, номиналисты правы, утверждая, что общая абстрактная идея или понятие имеет конкретную идею или перцепт в качестве своей основы; однако они не добавляют, что этот перцепт может полностью отсутствовать в бодрствующем сознании и быть представленным только в подсознании. Нет общей абстрактной идеи без некоторого конкретного перцепта как основания» [выделено мною – А.Н.]»

Другими словами, отношения между сознанием и бессознательным вовсе не обязательно конфликтные, а скорее комплементарные. Но так или иначе, учитывая весьма подвижную и трудно предсказуемую динамику этих взаимоотношений, последние должны быть контролируемы и регулируемыми, что опять-таки диктуется социальным статусом индивида, культурной средой его обитания. Общество – внешний регулятор индивидуального поведения. У него есть для этого разные средства, в том числе и насильственные. Но идеалом любого общественного устройства является свободное принятие индивидом предъявляемых ему социальных императивов. Чтобы такая свобода была возможна, индивид должен приобрести довольно большой объем знаний, на основе которых сформируется его личностное отношение (положительное, отрицательное или смешанное в разных пропорциях) к тем или иным продуктам коллективной деятельности.

Совокупность приобретенных знаний вместе с личным отношением к ним, которое у некоторых индивидов стимулирует творческую деятельность, составляет содержание индивидуального разума, способного при определенных условиях выполнять роль *внутреннего* регулятора жизнедеятельности индивида. При этом, разум не вмешивается в естественные взаимоотношения между сознанием и бессознательным. Он лишь оценивает результат этих взаимоотношений с точки зрения имеющихся у индивида диспозиций и в зависимости от знака такой оценки (положительного или

¹² См, например, недавние работы Б.Г. Мещерякова с сотр., в которых изучается возможность несознаваемых эмоциональных эффектов восприятия лиц [10, 11].

отрицательного) регулирует баланс энергетических потенциалов сознания и бессознательного. Это подобно тому, как мы регулируем температуру воды на выходе смесителя, поворачивая его ручку в ту или иную сторону. Разум не противодействует и не способствует сознанию или бессознательному, которые функционируют соответственно своему естественному предназначению. Он регулирует взаимодействие между ними, управляя балансом соответствующих потоков жизненной энергии и руководствуясь при этом приобретенным индивидом опытом. Поэтому можно с полным правом сказать, что не сознание и не бессознательное, а разум индивида является той «фильтрующей» средой, проходя через которую социальное становится достоянием индивида, а индивидуальное – достоянием социума.

* * *

После изложенного у читателя может возникнуть ощущение потери чего-то важного: сознание, которое не поддавалось определению, но зато присутствовало везде и было всем, утратило это качество и стало в один ряд с другими психическими функциями с их вполне конкретными свойствами. Оно превратилось в нечто и перестало быть всем, чем угодно. Ограничение объема понятия сознания и делегирование ранее приписываемых ему функций разуму необходимо для преодоления признаков клинической патологии, о которой упомянул Г. Хант. И здесь перед нами возникает новая задача – создать психологическую концепцию *разума*, без которого невозможна высокая и исключительная миссия человека в природе и обществе. Координация взаимодействия сознания и бессознательного – основная психологическая функция разума, которую не следует всецело доверять прижизненно приобретенным автоматизмам.

Литература:

1. Бернштейн, Н.А. Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды / Н.А. Бернштейн; Под редакцией В.П. Зинченко. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.
2. Блонский, П.П. Избранные психологические произведения / П.П. Блонский. – М.: Просвещение, 1964. – С. 333-364.
3. Выготский, Л.С. Сознание как проблема психологии поведения / Л.С. Выготский // Собр. Соч. в 6 томах: Т.1. – М., 1982. – С. 98.
4. Гальперин, П.Я. Лекции по психологии: Учебное пособие для студентов вузов / П.Я. Гальперин. - М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. Лекции 10 и 11.
5. Дормашев, Ю.Б. Психология внимания / Ю.Б. Дормашев, В.Я. Романов. – М.: Тривола, 1995, Гл.2, 3.
6. Запорожец, А.В. Психология действия / А.В. Запорожец. - М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.
7. Зинченко, В.П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010.
8. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. Гл.5, 6.
9. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. - М.: Политиздат, 1975. с. 59-60.
10. Мещеряков, Б.Г. Из истории первых экспериментальных доказательств существования второго Я [Электронный ресурс] / Б.Г. Мещеряков // Психологический

журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2015. – № 2. – С. 43-51. – Режим доступа: <http://psyanima.ru/issues/2015n2a4.pdf> (Дата обращения: 01.10.2015).

11. Мещеряков, Б.Г. Возможно ли зрительное опознание лиц без осознанного их восприятия? / Б.Г. Мещеряков, А.И. Назаров, Л.Г. Чеснокова // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». – 2016. – № 1. (В печати).

12. Хант, Г.Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / Г.Т. Хант; Пер. с англ. А.Киселева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. – С.58.

13. Хольт, Р. Образы: возвращение из изгнания / Р. Хольт // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент: Часть 1. – Душанбе, 1971.

14. Emergence: contemporary readings in philosophy and science / edited by M.A. Bedau, P. Humphreys. – A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, London, 2008.

15. Essential sources in the scientific study of consciousness / edited by B.J. Baars, W.P. Banks, J.B. Newman. – A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, London, 2003.

16. Sidis, V. The psychology of suggestion / V. Sidis. – New York: D. Appleton, 1898.

Поступила в редакцию: 05.10.2015 г.

Сведения об авторе

А.И. Назаров – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии государственного университета «Дубна».

E-mail: koval39@inbox.ru